

Прозвенел звонок на вечернюю самоподготовку. Ли Жун на время вернулся в класс, а Цэнь Сяо снова куда-то ушёл — вероятно, искать Цзянь Фу.

Прошло более получаса, прежде чем они вернулись вместе. Цэнь Сяо выглядел безупречно: одежда в порядке, выражение лица невозмутимое. Его спутник же, напротив, шёл с расстёгнутой курткой и беспрестанно ерошил короткий ёжик волос, с которого разлетались мелкие капли — то ли от вечернего тумана, то ли от пота после бурной деятельности.

Стоило Цзянь Фу переступить порог, как застоявшаяся в нём ярость вихрем пронеслась по кабинету. Лишь под прицелом нескольких настороженных взглядов с передних рядов он недовольно поморщился и поумерил свой заносчивый пыл.

Он не спешил возвращаться на место. Вместо этого он направился напрямик к парте Ли Жуна и, не в силах сдержаться, выпалил:

— Слушай, ну и паскудная же у тебя родня! Жрут чужой хлеб и гадят на тех, кто их кормил. Тьфу, дрянь какая!

Казалось, парень был разгневан даже сильнее, чем сам Ли Жун.

Да, у него всё ещё было предвзятое мнение о старосте, и он по-прежнему не желал, чтобы Цэнь Сяо слишком с ним сблизился. Но одно дело — личная неприязнь, и совсем другое — те, кто бьёт лежачего. Цзянь Фу искренне презирал людей, которые сначала пользуются благосклонностью семьи Ли, а когда случается беда, начинают топтать их с особым рвением.

Такие были хуже скотов.

Ли Жун уже проходил через это. Ярость и скорбь из его прошлой жизни давно стёрлись памятью в мелкую пыль, не оставив и следа. Сейчас даже сочувствие одноклассника не могло пробудить в его душе и тени былой обиды.

Для того, кто привык быть один, обида — самое бесполезное из чувств.

Ли Жун поднял голову и посмотрел на Цзянь Фу. Свет люминесцентных ламп отражался в его тёмных зрачках яркими точками, похожими на спокойные белые огни в глубине океана.

Он мягко улыбнулся, и его бледные, сухие губы едва заметно дрогнули:

— Спасибо. Тебе пришлось нелегко.

Собеседник на мгновение опешил. Не зная, как реагировать, он лишь неловко потёр переносицу тыльной стороной ладони.

Он пришёл сюда на взводе, готовый громогласно поносить Гу Тяня, но весь его запал внезапно наткнулся на мягкую стену вежливости. Ли Жун был настолько спокоен, что Цзянь Фу сам почувствовал себя грубым и неотёсанным.

Он всегда привык отвечать силой на силу и стоять до конца против наглецов, но совершенно не знал, как вести себя с теми, кто улыбается и говорит так учтиво.

— К чёрту... Я это только ради брата сделал, не нужно мне твоё «спасибо», — буркнул он.

Напустив на себя суровый вид и засунув руки в карманы, юноша мгновенно растерял всю злость и поспешил к своему месту.

Цэнь Сяо, наблюдавший за этой сценой со стороны, сухо заметил:

— Улыбнись ему ещё пару раз, и он костями ляжет, лишь бы услужить тебе.

Хотя Цзянь Фу ни за что бы в этом не признался, Цэнь Сяо видел: неприязнь друга к Ли Жуну заметно поутихла.

Ли Жун бросил на него недовольный взгляд, явно не оценив подобный вывод:

— Ты говоришь так, будто я какой-то злой дух, искушающий людей.

Цэнь Сяо вскинул бровь и парировал вопросом на вопрос:

— А разве нет?

Староста повернул голову, на мгновение встретившись с ним взглядом. В глубине его глаз вспыхнули озорные искры, хотя лицо он постарался сделать как можно более грозным:

— Тогда тебе стоит побережся: чудовища созданы для того, чтобы губить людей.

Оставив последнее слово за собой, Ли Жун стиснул зубы и, сделав глубокий вдох, принялся осторожно разминать руку.

Он пробовал поднимать её, медленно вращая плечом и прислушиваясь к тупой боли. Кулак Гу Тяня пришёлся точно в сустав, и теперь любое движение отзывалось резким импульсом в нервных окончаниях. Но чтобы разогнать кровь и убрать застой в тканях, ему приходилось

превозмогать себя.

Вспоминая время после перерождения, юноша пришёл к выводу: хотя теперь он действовал куда решительнее, чем в прошлой жизни, особой выгоды это пока не приносило — травм становилось только больше.

Заметив, как Ли Жун морщится от боли, Цэнь Сяо тихо скомандовал:

— Иди в медпункт.

Ли Жун покачал головой, продолжая свои упражнения:

— Не стоит, — пробормотал он под нос.

Толку от медпункта было немного — такие ушибы лечатся только временем.

— Раньше ты был куда изнеженнее, — заметил Цэнь Сяо.

Ли Жун отозвался не без колкости:

— Сам же сказал — раньше. Теперь я совсем один. Перед кем мне нежничать?

Семнадцать лет он прожил в неге и заботе, пока в один миг всё не рухнуло. С того дня в его жизни не было ни одной спокойной минуты.

Не то чтобы он не пытался бежать от реальности. В прошлой жизни он только этим и занимался: сначала изнурял тело, чтобы заглушить душевные раны, а затем и вовсе закрылся от мира, с головой уйдя в науку.

Но утечка синильной кислоты в лаборатории заставила его окончательно протрезветь.

Побег бессмысленен. Тени прошлого будут следовать за ним по пятам, и как только он коснётся деталей, способных опровергнуть официальное заключение тех лет, его устранят без малейших колебаний.

Когда занятия закончились, здание школы наполнилось шумом и суетой, напоминая мешок с попкорном, который внезапно взорвался.

Учитель математики, прижав к себе конспекты, стремительно вышел из класса, не оборачиваясь. Ученики тоже начали спешно расходиться.

Всё-таки шёл выпускной класс. Помимо школьных уроков, многие посещали дополнительные курсы — освободившись в восемь, они отправлялись на занятия, которые длились до десяти вечера.

Подростки быстро побросали вещи в сумки и гурьбой бросились к дверям, боясь застрять в пробке на лестнице.

Ли Жуну торопиться было некуда. К тому же в это время поймать такси у школы было практически невозможно. Разминая плечо, он устало опустил на парту и закрыл глаза, пытаясь отдохнуть.

Шум, смех и обрывки споров сливались в безликую какофонию, которую слух привычно отсекал.

Наконец в классе воцарилась тишина. Ли Жун приоткрыл глаза, сел прямо и, повернув голову, обнаружил, что Цэнь Сяо всё ещё здесь.

Они остались вдвоём. Даже Цзянь Фу уже ушёл.

Ли Жун принялся вертеть в руках брелок с ключами и, вскинув глаза на одноклассника, с намёком спросил:

— Ты ведь не собираешься подвезти меня домой?

Ехать на машине было куда приятнее, чем искать такси, хотя дом Цэнь Сяо находился в совершенно противоположной стороне.

Цэнь Сяо не ответил. Вместо этого он поднялся и плотно закрыл дверь класса.

Ли Жун замер, перестав крутить брелок. Его дыхание на миг перехватило, а на лице отразилось замешательство.

Закрывать дверь, когда в комнате только двое — жест интимный. Но любой здравомыслящий человек понимал: школьный кабинет — место публичное. По меньшей мере четыре камеры были нацелены на них, и хотя вряд ли в этот час кто-то дежурил в операторской, сам факт не давал расслабиться.

— Ты что делаешь? — Ли Жун невольно сжал ключи в ладони.

— Снимай куртку, я посмотрю, — Цэнь Сяо кивнул на его плечо.

Ли Жун долго молчал, чувствуя, как напрягаются нервы.

— Мы в классе, — наконец выдал он.

Цэнь Сяо слегка склонил голову набок и вскинул бровь:

— Всего лишь плечо посмотрю, ничего больше. Мы оба парни, что тут такого?

Ли Жун промолчал.

«И у тебя хватает наглости такое говорить? — подумал он. — Конечно, мы оба парни, но неужели ты сам не понимаешь, к чему ведут подобные просьбы?»

— Кругом камеры, — напомнил он. — Что ещё ты собрался делать?

Собеседник коротко усмехнулся. Его взгляд медленно скользнул от глаз юноши вниз, задерживаясь на его груди, скрытой краем парты.

— И что же, по-твоему, я задумал?

Ли Жун сохранил невозмутимость и лишь выше потянул молнию на олимпийке:

— Ничего я не думаю.

Между ними уже была близость, и Ли Жун мог бы без тени смущения раздеться перед Цэнь Сяо. Но только перед ним. Выставлять себя напоказ перед объективами камер он не собирался.

— Дай гляну, — Цэнь Сяо выудил из кармана упаковку пластырей «Юньнань Байяо» и бросил на стол.

Это средство было крайне популярным: оно не только разгоняло кровь, но и отлично утоляло боль.

Стало ясно: Цэнь Сяо уходил вовсе не для того, чтобы помочь Цзянь Фу проучить кузена. Он ходил в аптеку.

— Не надо... — Ли Жун попытался было возразить, но его сил не хватило против напора оппонента. Секунда — и его запястья были перехвачены стальной хваткой.

Юноша умел быстро оценивать ситуацию: раз уклониться не выйдет, незачем и силы тратить.

Он отвернул голову в сторону, позволяя Цэнь Сяо подцепить ворот его просторной формы и спустить рукав с левого плеча.

Вж-жик!

Молния стремительно долетела до самого низа и, помедлив мгновение, окончательно разошлась.

Куртка небрежно повисла на сгибах его локтей, а майка замерла чуть ниже предплечья.

Ли Жун почувствовал, как холодный воздух коснулся кожи плеча и груди. Он невольно напрягся, а его язык бесцельно прошёлся по нёбу.

Цэнь Сяо молча смотрел на него.

На бледном плече расцвёл крупный кровоподтёк с мелкими багровыми точками лопнувших сосудов. В остальном его кожа была безупречно белой. Тонкие кости юноши казались хрупкими, но линии мышц были плавными и отчётливыми. Ключица, проступившая при повороте головы, выглядела особенно остро, а на внутренней стороне предплечья, не видевшего солнца, едва заметно пролегли синеватые ниточки вен.

Его открытость внезапно заставила Цэнь Сяо почувствовать укол совести.

Он не мог отвести взгляда от обнажённого плеча. Даже эта травма придавала Ли Жуну какую-то болезненную, хрупкую красоту.

В пустом классе слышалось лишь неровное дыхание Ли Жуна. С каждым вдохом его тонкая ключица едва заметно приподнималась перед глазами Цэнь Сяо.

— Ну, ты будешь клеить или нет? — прошептал юноша. — Я замёрз.

— Не шевелись.

Цэнь Сяо без лишней нежности вскрыл упаковку, достал пластину и снял защитную плёнку.

Густой травяной аромат мгновенно заполнил пространство. Ли Жун, находившийся ближе всех, почувствовал, как от резкого запаха увлажнились глаза.

Цэнь Сяо приложил пластырь к багровому плечу.

Его пальцы оказались горячее кожи Ли Жуна. Когда подушечки коснулись плеча, Ли Жун почувствовал, как по нервам пробежал ток, и напрягся ещё сильнее.

Стоило собеседнику закончить, как Ли Жун тут же натянул одежду.

В спешке он не успел её поправить, и куртка смятыми складками собралась у ворота, создавая двусмысленный вид, будто здесь только что произошло нечто неподобающее.

У него самого возникли неуместные ассоциации, и он был уверен — Цэнь Сяо думает о том же.

Атмосфера стала неловкой.

Ли Жун уставился в потолок, пытаясь завязать разговор:

— Чуть не забыл... Пока вы ходили, заходила Ян Фанфан. Сказала, скоро родительское собрание. Если не хочешь проблем... лучше возьми отгул заранее.

Семья Цэнь всегда присылала уведомления об отсутствии. За два года Ли Жун ни разу не видел ни господина председателя, ни госпожу Сяо на школьных собраниях.

То ли дело профессора Ли и Гу — они всегда были отзывчивы и, как бы ни были заняты, никогда не пропускали встреч с учителями.

Но в этот раз им придётся отсутствовать.

Цэнь Сяо, глядя на его отрешённое лицо, едва сдерживал желание коснуться его спины.

В последнее время Ли Жун только и делал, что притворялся слабым и постоянно улыбался, но Цэнь Сяо видел его насквозь. Мальчишка всё просчитывал. Ради своей цели он был готов пренебречь кем угодно и чем угодно, и в нужный момент его клинок мог обернуться и против самого Цэнь Сяо.

И всё же, когда Ли Жун смотрел вот так — словно потерявшийся котёнок — в душе Цэнь Сяо невольно просыпалось сострадание.

— Ли Жун.

Рука мужчины на миг замерла над его спиной, но в итоге он её убрал.

— М-м? — рассеянно отозвался юноша.

— Кто сказал, что ты совсем один и тебе не перед кем нежничать? — низким голосом спросил Цэнь Сяо.

В конце концов, он всегда исполнял его желания.

Юноша пришёл в себя и лишь спустя пару секунд вспомнил свои недавние слова.

Он поднял глаза на Цэнь Сяо, и на дне его чистого, ясного взгляда промелькнула лукавая искра. Язык мягко скользнул по ровному ряду зубов.

Он лениво откинулся назад, не заботясь о том, что край куртки снова сполз по его руке.

— Тебе и впрямь стоит относиться ко мне получше. Ты ведь мой должник.

<http://bllate.org/book/15351/1416939>